

Тарасов Илья Павлович

МЕТАФИЗИКА НРАВСТВЕННОСТИ: УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ МОРАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ И ПРОБЛЕМА "ГЕТЕРОНОМИИ ВОЛИ"

В статье анализируются проблемы, связанные с вопросом определения понятия нравственности.

Рассматриваются эпистемологические и логические трудности, возникающие при решении этого вопроса. Особое внимание при анализе уделяется проблеме "гетерономии воли".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/44.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 193-197. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. Документ ООН. S/RES/1031 (1995).
6. Минаев А. Призраки Сребреницы: Голландия выясняет, виновата ли она в убийствах мусульман // Время новостей. 2002. № 63. 10 апреля.
7. Резня в Сребренице: Крстич виновен // BBC News. 2001. 2 августа.
8. США в новом мире: пределы могущества. М., 1998.
9. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Washington D.C.: The White House, 1994.
10. Chandler D. Bosnia: Faking Democracy after Dayton. London: Pluto Press, 2000.
11. Diken B., Laustusen C. The Culture of Exception: Sociology Facing the Camp. London - New York: Routledge, 2005.
12. Elizabeth M. Cousens, Charles K. Cater Toward Peace in Bosnia Implementing the Dayton Accords. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2001.
13. Gow J. Triumph of the Lack of Will: International Diplomacy and the Yugoslav War. London, 1997.
14. Hedges C. Conflict in the Balkans: the overview. Serbs Close in on 2nd Bosnian «Safe Area» // New York Times. 1995. 17 July.
15. Hedges C. Serb Forces Fight Dutch U.N. Troops in Eastern Bosnia // Ibidem. 11 July.
16. Ivo Pukanic. US Role in Storm: Thrilled with Operation Flash, President Clinton Gave the Go Ahead to Operation Storm // Nacional. Zagreb, 2005. 24 May.
17. Jilani S. Thousands of Victims Still to Be Identified 14 Years after Srebrenica // The Independent. 2009. 11 July.
18. Kinzer S. Conflict in the Balkans: the Refugees. Muslims Tell of Atrocities in Bosnian Town // New York Times. 1995. 14 July.
19. Malcolm N. Bosnia: a Short History. London: Macmillan, 1994.
20. Schmitt E. Conflict in the Balkans: Reaction. U.S. and NATO Face Unhappy Choices for U.N. Force in the Balkans // New York Times. 1995. 12 July.
21. Security Council 50th year: 3564th meeting. Thursday, 10 August 1995. New York: UN, 1995.
22. Serbian Artillery Bombards another Bosnian «Safe Area» // New York Times. 1995. 7 July.
23. Serbs Shell Muslim Enclave. U.N. Soldier Dies in Battle // Ibidem. 9 July.
24. Steven L. Burg, Paul S. Shoup. The War in Bosnia-Herzegovina Ethnic Conflict and International Intervention. NY, 2000.
25. The Fall of Srebrenica: report of the Secretary-General pursuant to General Assembly resolution 53/35. A/54/549. NY: UN, 1999.
26. Woodward S. Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War. Washington: Brookings Institution Press, 1995.
27. Zimonjic V. A Mother's Agony: «It was my son Azmir. I saw them shoot him» // The Independent. 2005. 4 June.

DAYTON AGREEMENT AS FOUNDATION STONE IN CREATING UNIDIRECTIONAL WORLD BY THE USA

Elena Vasil'evna Stepanenko
Department of New and Modern History
Stavropol' State University
alenstep@yandex.ru

The author analyzes the interconnection of the process of the historical formation of the USA as the only superpower in the world and the processes which took place within Balkan Peninsula in the 1990s. At the end of the XXth century the USA got the opportunity to realize effectively global dominance doctrine using globalization results in their national interests. Special attention is paid to the methods and means used by the USA and NATO for attaining their interests in the Balkan region which is strategically important for them.

Key words and phrases: Bosnia and Herzegovina; right of nations to self-determination; settlement plan; unipolarity.

УДК 165.42+17.022.1

В статье анализируются проблемы, связанные с вопросом определения понятия нравственности. Рассматриваются эпистемологические и логические трудности, возникающие при решении этого вопроса. Особое внимание при анализе уделяется проблеме «гетерономии воли».

Ключевые слова и фразы: моральная норма; моральное суждение; объективность; субъективный произвол; гетерономия воли; разум; категоричность; универсальность.

Илья Павлович Тарасов, к. филос. н.
Кафедра теоретической и социальной философии
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
iliatarasov@inbox.ru

МЕТАФИЗИКА НРАВСТВЕННОСТИ: УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ МОРАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ И ПРОБЛЕМА «ГЕТЕРОНОМИИ ВОЛИ»[©]

Создание метафизики нравственности как особой дисциплины было инициировано «страхом» Канта перед фрагментарностью и случайностью человеческого опыта в качестве инструмента обоснования результатов познания (в данном случае Канта интересовала всеобщность и необходимость морального закона). Это

заставило его выделить в структуре знания два уровня: уровень опытного практического знания и уровень методологических принципов и идей, которые, по его мнению, даны нам *a priori* и вытекают из чистого разума. Последовательно проводя концептуалистскую линию в своих исследованиях, Кант считал, что априорный уровень познания служит определяющим началом для эмпирического. И без решения основных проблем метафизики нравственности невозможна этика как практическая дисциплина, руководящая поступками людей [2]. В современности, с легкой руки Лона Фуллера и Дж. Мура, данную философско-интеллектуальную практику именуют «эпистемологией этики» или «метаэтикой».

Рациональные основания феномена нравственности. Первая и самая серьезная трудность, которая возникает в исследовании оснований моральной философии - это идентификация нравственного поступка (в этой статье мы не проводим строго терминологического различия между понятиями нравственности и морали). Первоначально можно было бы использовать стратегию негативного определения, как в случае с понятием свободы (в понимании свободы как отсутствия физического принуждения), и после этого уже искать положительное определение данного феномена, предварительно ограничив круг альтернатив с помощью негативного определения. Но можно пойти по другому пути. Как бы мы специально ни определяли нравственный поступок, одно остается неизменным, нравственный поступок - это такой поступок, который основывается на определенной максиме поведения. В этом отношении пока неважно, какие именно это максимы и чем они отличаются от других подобных им, не являющихся моральными максимами. Понятно одно: нравственность - это результат следования определенной системе предписаний, т.е. правил поведения, а нравственный поступок - это поступок, вытекающий из определенного поведенческого императива. Это положение является главным основанием для подведения нравственности под понятие рациональности, и в соответствии с этим нравственное поведение можно классифицировать как частный случай рационального поведения. Так как в широком смысле рациональное поведение - это поведение в соответствии с правилом, а сама рациональность предстает как результат деятельности разума, то шагом в сторону классификации нравственного поведения в качестве рационального обосновывается представление о разуме как об источнике нравственности. Таким образом, моральное поведение - это разновидность рациональности или рационального поведения, т.е. поведения в соответствии с правилом (нормой).

Теперь можно перейти к рассмотрению вопроса о том, какие нормы поведения могут быть признаны нравственными нормами. Ответ на этот вопрос может содержать в себе ряд логических затруднений: чтобы идентифицировать определяющий признак моральных норм, нам нужно примерно знать, какие нормы являются моральными. А это в свою очередь требует знания, что такое нравственность. Конечно, любое определение концептуализирует первоначальные интуиции, однако абсолютизировать непогрешимость этих интуиций - это значит предполагать некий вид априоризма, граничащего с теорией врожденных идей, который в конечном счете приводит к доктрине «всезнания». Мы ничего не познаем, мы всего лишь эксплицируем интуиции, которые были заложены в нас. Однако отвлечемся от эпистемологических проблем, связанных с техникой определения, и попытаемся дать нашей интуиции определенный шанс. Первый шаг, который следует сделать - отделить понятие нормативности от понятия нравственности. Нравственность предполагает нормативность, но вот обратное следование реализуется не всегда. Примером тому являются всевозможные правила, которые регулируют человеческое поведение в отношении достижения конкретных целей, например, правило перехода через дорогу с помощью светофора, получение из реактивов соляной кислоты или обучение технике броска через бедро и т.д. Такие правила или нормы поведения (вслед за Кантом) уместно было бы назвать «техническими» или «процедурными». По своему характеру они являются нормами локального характера (как раз потому, что направлены на достижение конкретных результатов). При этом можно выделить два вида таких норм. Первые направлены на достижение внешних результатов, вторые преследуют достижение определенных состояний внутреннего характера, связанных с удовлетворением интересов и потребностей человека (это т.н. «правила благоразумия», связанные, например, с техникой достижения чувства «полноты жизни» или «бодрости духа», или в крайнем случае «победы над голодом»). Естественно, считать эти два вида правил моральными было бы контринтуитивно.

Продолжая двигаться дальше в русле «апофатической» методологии, сужая область поиска, можно использовать полученный результат и охарактеризовать моральные нормы как нормы не локального характера, определяющие человеческое поведение не в кратковременный период «здесь» и «сейчас», а являющиеся фундаментальной основой человеческой жизнедеятельности. Т.е. моральные нормы - это нормы универсального характера (логично: не локальные, значит, универсальные). Эта универсальность раскрывается как постоянная детерминированность человеческого поведения через эти нормы. Кант обозначает это свойство моральных норм как «категоричность» или «безусловность», Аристотель - как «желанность ради себя самих», а Петражицкий называет ее «самодовлеющей мотивацией» нормативных суждений, избранных безотносительно к чему-либо (т.е. не для реализации конкретных целей). И даже Юм согласен с тем, что нравственность возникает там, где некий поступок подвергается рассмотрению «вообще без отношения к нашему частному интересу».

Структура моральных норм, которая раскрывается в их безусловном и самодовлеющем характере, детерминирует жизнь человека на всех ее уровнях. Эта детерминация позволяет утверждать, что моральные максимы - это основания человеческой жизни, посредством которых она утверждает себя в мире. Моральные нормы конституируют цель человеческой жизни и в этом отношении составляют то, что в философии принято именовать «смыслом жизни». Являясь первичным основанием человеческого поступка, они

определяют выбор локальных (технических) норм и служат оправданием поведения. Моральные нормы - это базовые принципы человеческой жизни, которые носят самодовлеющий и изначальный характер, т.е. по сути - это аксиомы практического разума, которые самоочевидны для всех людей. Преимущества морально-го образа жизни заключаются в преимуществе благой жизни, т.е. жизни, направленной на исключение из человеческого существования ощущений неудовлетворенности, сомнения и тревоги. Кроме исключения факторов, негативно влияющих на человеческую жизнь, стремление к благу, опирающееся на моральные максимы, приносит ощущения полноты и целостности жизни и придает ей особый смысл, к которому большинство из нас стремится, когда хочет избавиться от чувства напрасно прожитой жизни.

Два аргумента в пользу рационализации этики. Как и любое положение в философии, даже положение о рациональности нравственного поведения не может быть принято на веру без формулировки соответствующих доказательств. Например, Юм в противоположность любым проектам рационализации этики доказывал невозможность разума быть движущей силой морального поведения. Ссылаясь на пассивность разума как на главное препятствие таких проектов, он считал, что «пассивный принцип не может стать причиной активного».

Следующие два аргумента, которые мы предоставим в пользу рационализации этики, по-своему характеру можно обозначить как аргументы метаэтического плана. Основная их цель - показать, что условием возникновения феномена нравственности как такового является деятельность разума.

Первый аргумент можно было бы обозначить как аргумент Канта. Основываясь на идеях Канта, этот аргумент обращает внимание на невозможность формировать общность и необходимость нравственных императивов, исходя из опыта. Только разум может формировать правила и законы, т.е. необходимые и (все)общие положения. Универсальность морального закона не может быть выведена из единичности чувственных данных. Опыт вносит элемент условности, т.е. зависимости от конкретных обстоятельств. Это в свою очередь лишает максимы свойств общезначимости и объективности. Общезначимость и объективность являются главным условием формулировки закона, включая и законы нравственности, которые определяют сущность нравственных явлений. Данный аргумент отражает борьбу двух теоретико-познавательных направлений в философии Нового времени (рационализм и эмпиризм) и первоначально формулировался для обоснования рациональной (не индуктивной) природы законов естествознания. Но с гносеологизацией этики в сочинениях Канта перешел из теории познания в этику.

Второй аргумент, скорее, направлен не на акцентирование внимания на формальных характеристиках моральных высказываний, а на процессуальную сторону этических действий. Этот аргумент может быть обозначен как критерий морального обращения. Он связан с вопросом идентификации субъекта морального действия. Его можно представить следующим образом: императивы и нормы морали регулируют человеческое поведение, а в частности процесс общения, который происходит между людьми. Процесс общения возможен лишь при условии понимания, т.е. при наличии у другой стороны определенной интеллектуальной способности, которая и делает возможным процесс общения. Сами нормы морали, как и любые другие нормы поведения, также являются элементами взаимодействия между людьми (как замечает Аристотель, даже государство - это определенный вид общения). Таким образом, чтобы узнать, что представляет собой феномен нравственности, нам нужно понять смысл, обозначаемый этим словом, а чтобы следовать категорическому императиву, нам нужно его понять. Следовательно, феномен нравственности может возникнуть только при наличии процесса понимания. Чтобы у человека могло возникнуть нравственное поведение, он должен обладать пониманием. Отсюда субъектом нравственного поведения может стать только понимающее существо («разумное существо»). Если долг и правила являются основанием морального поступка, то только понимающие правила существа могут быть моральными, т.е. формулировать правила и действовать в соответствии с их смыслом. И, как следствие, подвергаться осуждению или наказанию за нарушение нравственных норм или запретов может также только существо, обладающее пониманием. Насколько человеческое понимание зависит от человеческого разума? Это уже другой вопрос, но несомненно то, что этот аргумент говорит в пользу рационализации. Эта теория настолько серьезно завладела умами людей, что она стала основанием не только определенной этической позиции, но и одним из юридических принципов, закрепленных на уровне государства. Например, в уголовном праве достаточным условием и необходимым основанием для возникновения уголовной ответственности является наличие «умысла», «осознанности» и возможности «предсказания своих действий», т.е. понимания смысла своих поступков (субъективная сторона преступления, т.н. *mens rea*) [5, р. 152-154, 163]. В Российском уголовном праве данный принцип известен как принцип виновной ответственности (ст. 5 УК РФ), который гласит, что ответственность за действия определенного лица возникает только тогда, когда установлена его вина, т.е. определенное психическое отношение этого лица к рассматриваемому действию. Сущностью этого психического отношения и является процесс понимания, т.е. осознание субъектом своих действий и их последствий для окружающей действительности. Отсутствие такого осознания приводит к освобождению от уголовной ответственности (ст. 21 УК РФ).

Деформация рациональных основ моральной философии. Несмотря на всю привлекательность классической «кантианской позиции» в этике и моральной философии, она не остается единственной и непогрешимой точкой зрения. Виной этому является односторонность в рассмотрении возникновения феномена нравственности. Во внимание берется только индивидуальный аспект поведения человека в соответствии с определенной, выбранной им нормой, которая и служит гарантом нравственности этого поведения. Выбор же человека не всегда является свободным от иллюзий и заблуждений, как заметил И. Бентам по этому поводу: «Пусть человек в первую очередь спросит себя, насколько его принципы свободны от принуждения и

враждебности по отношению к остальной части человечества?» [4, р. 17]. Это замечание обращает наше внимание на другой источник возникновения нравственности - на оценку поведения определенного индивида нами самими или другими, третьими лицами. Это совершенно иной источник возникновения нравственности, который напрямую не связан с выбором определенной стратегии поведения, а является способом оценки этого выбора со стороны других лиц или реже нас самих (при наличии определенной самокритичности). Речь идет о феномене одобрения и порицания поступков другими людьми. Что в этом случае служит основанием моральной реакции и признания определенного поступка нравственным или безнравственным? Какой стандарт, эмоция или чувство движут нашими оценками и решениями? Эта сторона нравственного поведения интересна своим иррационализмом: одобрение или порицание - это определенные эмоциональные переживания индивида, которые он испытывает при наблюдении поступков другого лица (это может быть и рассказ, однако в данном случае рассказ имеет своей целью реконструкцию определенной эмпирической ситуации). Доказательством в пользу классификации процессов одобрения/осуждения именно в качестве чувственных реакций и эмоциональных переживаний служит эмпирическая природа их возникновения. Они являются ответами на фактические обстоятельства, которые порождаются человеческим поведением. Эти эмоциональные переживания не обязательно должны быть сопряжены с познанием смысла определенной нормы, т.е. вытекать из нее. Скорее, даже наоборот, это первоначальное переживание конституирует определенную норму восприятия, которая детерминирует последующее ценностное отношение к предъявленному типу поведения: «Существование и действие в нашей психике непосредственных сочетаний акционных представлений и отвергающих или одобряющих соответственное поведение... эмоций проявляется, между прочим, в форме суждений, отвергающих или одобряющих соответственное поведение, не как средство для известной цели, а само по себе, напр., «ложь постыдна», «не следует лгать», «следует говорить правду» и т.п.» [3, с. 20-21].

Этот аспект рассмотрения феномена нравственности становится исходным для философов-эмпириков. Давид Юм, который одним из первых следует данной стратегии, обосновывает эмоциональные переживания одобрения/порицания, исходя из чувства удовольствия или страдания, которое испытывает человек при восприятии поступков других людей. «Я говорю неправильно или осуждаю действия другого лица, когда его поведение вообще, безотносительно к моему частному интересу, мне не нравится» - этот краткий тезис является концептуальным ядром всех этических концепций, следующих философии Юма, а это практически вся англо-американская этическая мысль, начиная с утилитаризма И. Бентама и Дж. Ст. Милля, заканчивая эмотивистами Стивенсоном и Айером, некогнитивистами А. Гиббардом и С. Блэкберн и моральными фикционалистами Маки и Джойсом. В отечественной моральной философии этой традиции придерживался Лев Петражицкий [1, с. 193-215].

Гетерономия воли и проблема субъективного произвола. Основную проблему последователи Юма усматривают в вопросе: каким образом разум может выступать в качестве побудительной причины поступков людей? Если выразить эту проблему в терминах аристотелевской метафизики, то эмотивисты, как представители эмпирической методологии в этике, не критикуют идею того, что разум может выступать в качестве инструмента по установлению целей человеческого поведения через формулировку соответствующих правил, т.е. быть целевой причиной. Однако они выступают против признания разума в качестве движущей причины применения этих правил. Другими словами, правила и понимание этих правил - это одно, а вот то, что движет их применением - это другое. Эта проблема была известна и Канту. Он обозначил ее как проблему «гетерономии воли». Проблема заключается в том, что любая норма нравственности для того, чтобы ее применили, нуждается в интерпретации, в модификации под конкретные обстоятельства, и здесь элемент субъективного произвола может «выхолащивать» лежащий на поверхности объективизм, обеспеченный единством синтаксических и семантических форм, в которых обличаются нормы нравственности. При этом каждый индивид подстраивает определенную норму под свой собственный субъективный мир. Доказательством в пользу данной точки зрения может служить как раз универсальный и всеобщий характер этих норм, когда каждый из нас решает, что такое «поступать хорошо», «любить ближнего» или «не оскорблять окружающих». Но что значит быть добрым или быть честным? Отсутствие четкого критерия порождает волюнтаризм интерпретаций, а это создает условия для возникновения «гетерономии воли». Опасность заключается в том, что частный интерес или субъективная воля, которая лежит в основании применения моральных максим, лишает их объективности, т.е. общезначимости, а значит, делает субъективными. Сама по себе субъективность не является недостатком, но т.к. нормы нравственности претендуют на универсальность и носят публичный характер (потому что выражены в языке), субъективность порождает дифференциацию в выборе норм поведения, т.е. существует потенциальная возможность конфликта норм, которая, по идее, должна отсутствовать в результате применения метаправил. Субъективность нивелирует «безусловный» характер самих метаправил (несмотря на то, что в языке они сохраняют форму категорических выражений). Этот процесс эмотивисты обозначают как «процесс универсализации», когда частный интерес выступает в роли универсальной ценности, которую должны принять остальные. Процесс универсализации уничтожает моральность максим.

Основной вывод, который может быть сделан из разбора критических аргументов, направленных против рационализма в этике, заключается в том, что для появления феномена нравственности недостаточно принятия одних только правил поведения, обладающих определенными формальными характеристиками, такими как «категоричность», «самоочевидность» или «безусловность». Нравственность не содержится в нормах, а содержится в особом способе применения этих норм. Объективность нравственных суждений достигается с помощью процесса согласования определенных моральных максим с остальными моральными агентами.

Ни один принцип, каким бы привлекательным он ни был, не может быть принят за непогрешимый или самоочевидный без соответствующего процесса обсуждения.

Список литературы

1. Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М.: Изд-во МГУ, 1978. 270 с.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 219-310.
3. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Изд-е 2-е. СПб., 1910. Т. 1. 318 с.
4. Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Kitchener, 2000.
5. Hart H. L. A. The Ascription of Responsibility and Rights // Essays on Logic and Language. 1951. Vol. 7.

MORALITY METAPHYSICS: MORAL JUDGMENTS UNIVERSALITY AND “WILL HETERONOMY” PROBLEM

Ilya Pavlovich Tarasov, Ph. D. in Philosophy
Department of Theoretical and Social Philosophy
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
iliatarasov@inbox.ru

The author analyzes the problems connected with the question of morality notion definition. Epistemological and logical difficulties arising while solving this question are considered. While analyzing special attention is paid to “will heteronomy” problem.

Key words and phrases: moral norm; moral judgment; objectivity; subjective lawlessness; will heteronomy; sense; categoricity; universality.

УДК 340.122

В статье рассматриваются классические философские концепции права: идеалистическая теория права Канта-Гегеля и теория естественного права. Автор анализирует проблемы, с которыми сталкиваются эти теории, учитывая специфику современного состояния правоведения, и переосмысливает на базе прагматической методологии основные положения этих концепций.

Ключевые слова и фразы: соотношение морали и права; объективное право; философия естественного права; Кант; Гегель; моральная максима; моральное суждение; разум; универсальность; локальность; воля государства; внешняя и внутренняя свобода.

Илья Павлович Тарасов, к. филос. н.
Кафедра теоретической и социальной философии
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
iliatarasov@inbox.ru

**ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ
ПРАВОВОГО НАСЛЕДИЯ ФИЛОСОФСКОЙ КЛАССИКИ®**

Одним из трудноразрешимых философских вопросов является вопрос о соотношении морали и права. Под правом обычно подразумевают систему положительного законодательства, которая реализуется в конкретном государстве; речь идет об объективном праве, т.е. законе, который в юридической литературе обычно характеризуется как «регулятор общественных отношений» или «официальная мера свободы и справедливости». А если вспомнить классиков, то законы характеризуются как установления разума и необходимые отношения, которые следуют из природы вещей: «Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей» (Шарль Монтескье «О духе законов»). Или «закон... есть заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что следует, и запрещающий противоположное» (Цицерон «О Законах»).

Актуальность этого вопроса заключается, во-первых, в том, что любая этическая теория должна дать ответ на вопрос о природе закона, т.к. закон - это определенный тип нормативного правила, т.е. нормы или императива, а во-вторых, от прояснения этого вопроса зависит статус прав человека как философской или юридической категории.

Проблема соотношения морали и права может рассматриваться в нескольких аспектах: в аспекте теоретическом - в поиске различий между юридической и моральной нормативностью, и в аспекте практическом, т.е. в вопросе: может ли мораль выступать элементом юридической системы государства в качестве неформального источника права. Рассмотрение этих аспектов будет служить вспомогательным средством для анализа другой проблемы во взаимоотношении морали и права - в возможном противостоянии моральной